

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Вышедшим вторым томом академическое собрание сочинений Боратынского закончено. Прежде всего – к сожалению. Потому что оно не полное. В нем нет переписки, хотя она и была обещана в предисловии к первому тому. Нечего и говорить, насколько важна переписка в изучении каждого писателя, тем более такого неизученного и, собственно, еще не известного в его биографии. Почему обещание академии оказалось неисполненным – загадка. Нет и переводов на том основании, что «они не представляют ничего оригинального и обязаны своим появлением случаю». Можно, конечно, спорить, насколько в отношении к Боратынскому такое основание вразумительно, также как и не помещение тех портретов, «история происхождения которых представляется сомнительной».

Все издание не отмечено тем чувством, чего каждый читатель в праве ожидать от издания поэта, им давно любимого: именно чувством любви к нему и, следовательно, пониманием его.

Биография, открывающая издание, написано прилично – но холодно и, конечно, не заразить Боратынским того, кто заранее им не заражен, не привлечет к этому удивительному мастеру языка и необыкновенному человеку ничьего внимания, кроме «академиков» - молодых и старых. А между тем поэзия Боратынского все еще недостаточно популярна в широких общественных кругах, и привлечь к ней внимание было бы прямой обязанностью академии наук.

Самое издание – в редакционном смысле – производит впечатление, для которого нет другого эпитета – как удручающее. Подумать только, как долго не был «принят» этот прекрасный писатель, поставленный Пушкиным, по справедливости, первым после себя, по какому-то недоразумению развенчанный Белинским, затем снисходительно принятый популярными историками литературы, как как почтенное историко-литературное явление, наконец – юбилейно погребенный, кажется, уже дважды! Полвека глухого полузабвения – и наконец увенчание самыми сухими из академических лавров. И это несмотря на то, что редактировать взялся человек со стороны, литературный, и даже литературно-модерный. Уж не знаешь, что лучше. Пожалуй, рядовой академический работник выполнил бы задачу вернее. По крайней мере, безо всякой задней мысли, не мудрствуя и ни на что не посягая.

На самом деле, каким именем назвать ту предвзятую мысль, которой вооружился новый редактор, - что, - что первоначальный текст стихов Боратынского, еще не подвергшийся дальнейшей обработке и чеканке – есть наилучший? У Боратынского, вся творческая суть которого – в постепенном выявлении поэтического впечатления, именно в медленном и мучительном доведении непосредственно воспринятом извне или внезапно вспыхнувшего внутри, до мыслительной ясности, до сознания, до кристалла, тончайшего гранения и прозрачности?

Последние варианты стихов Боратынского, конечно, наивценнейшие. Так думал и сам поэт, - и те, кто его знают и любят, с детства привыкли чтить как

раз эти последние кристаллы его поэтической сознательности, а не первые, еще случайные, хаотические, иногда еще не индивидуальные – почти наброски. Спору нет, как необыкновенно любопытны – для знания Боратынского – все варианты, без исключения от первого до последнего. И академический редактор должен был бы дать их все, с хронологической наглядностью, не относя ни один из них в примечания, в неудобочитаемый петит, как это допустимо по отношению к поэтам иного типа, чем Боратынский, т.е. таких, для которых работа над чеканкой стиха не имела такого определяющего, - внутреннего значения.

В двух томах нового «научного» издания – перед нами тщательнейшая работа, вышедшая из этого ложного основания, поэтому все издание надо признать сплошным недоразумением, худшим, чем все до сих пор в отношении Боратынского имевшие место. Первоначальные варианты, трудолюбиво разысканные редактором, помещены в тексте, с присоединением некоторых позднейших, а многие из окончательных, привычных – и, действительно, совершенных, вынесены в конец книги, в приложения, в комментарии, в «петит»!

Просто досада берет на потраченные усилия. Еще досаднее, разумеется, то, что подлинного Боратынского академия наук, таким образом, так и не дала. Но самое – уже не просто досадное, а прямо волнующее, в том, что ведь для громадного читательского большинства академический флаг не может внушать доверия.

Вот почему хотелось бы встретить со стороны литературной критики большего внимания к этому неудачному академическому изданию. К сожалению, наша критика отнеслась к нему достаточно равнодушно.

Как будто для судьбы русской литературы все равно – напечатал ли Боратынский справа налево или слева направо, с начала до конца, или обратно, понят он или не понят, - есть он или нет...

«Мы ленивы и не любопытны». Главное, не любопытны.